

Пока сама не коснусь

Тея Шафран

серия «Одно условие»

18+

Тея Шафран

Пока сама не коснусь

«Автор»

2026

Шафран Т.

Пока сама не коснусь / Т. Шафран — «Автор», 2026

Вера Шатрова приезжает в дом на Яузе шить перчатки к чужой свадьбе. Илья Савин просит её три недели побыть его парой за семейным столом. До переезда она называет цену и одно правило: он не целует её и не берёт её руку, пока она сама не коснётся его первой. Деньги приходят в первый день. Одно сообщение — и она уезжает, сумма остаётся у неё. За ужином его ладонь лежит рядом и не двигается. На примерке пальцы встречаются на деревянной болванке, и руку убирает он. «Пока сама не коснусь» — вторая книга серии «Одно условие». Современный любовный роман, 18+. Близость взрослых по согласию, без жестокости и натурализма.

© Шафран Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сумма	6
Глава 2. Щеколда	10
Глава 3. Скатерть	13
Глава 4. Болванка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пока сама не коснусь

Это художественный вымысел. Совпадения имён и событий с реальными людьми случайны. Возрастное ограничение: 18+.

Глава 1. Сумма

В мастерской пахло кожей и мокрым замшевым лоскутом, который Оля забыла снять с батареи. Батарея была едва тёплая. Сентябрь ещё не решил, холодать ему или нет. Вера стояла у окна на Большом Казённом и примеряла к свету пуговицу. Пуговица была перламутровая, с трещиной, и трещина в этом свете выглядела дороже целого.

Оля кроила на столе у двери. Ножницы у неё ходили коротко, без размаха. Размах портил край.

— Если опять придут за ремонтом к субботе, я скажу, что нас нет, — сказала Оля. — Нас нет уже три субботы. Они не верят.

— Скажи, что нас нет до среды, — ответила Вера. — В среду мы есть. К среде эта пара должна дышать на запястье, а не стоять колом.

Пара лежала на болванке. Женская, вечерняя, на левую руку уже почти живая, на правую ещё с меловой меткой у большого пальца. Вера не любила, когда перчатку хвалили словом «нежная». Нежная рвётся на первом бокале. Ей нужна была перчатка, которая помнит руку и отпускает её в одну расстёжку.

Звонок у двери звякнул так, будто человек снаружи потрогал кнопку один раз и сразу убрал палец. Оля не пошла. Она посмотрела на Веру. Вера вытерла мел о фартук и открыла сама.

Мужчина стоял на площадке в сером пальто, без папки. Папка, если и была, осталась в машине. Ему было под сорок, волосы коротко прибраны, на скуле след от ветра, не от бритвы. Он посмотрел на её руки раньше, чем на лицо, и тут же поднял глаза, как человек, которого поймали на чужом инструменте.

— Шатрова? Я Савин. Илья. Мне Лиза дала адрес. Лиза Савина. Невеста. Это не срочный ремонт.

— Заходите, — сказала Вера. — Срочный ремонт у нас всё равно не живёт.

Он вошёл и остановился у порога, потому что дальше был стол, а на столе лежали раскроенные кожи. Оля не убрала ножницы. Она отодвинула стул ногой, не глядя на гостя, и этим стулом обозначила место, куда можно.

Илья сел. Пальто снял и положил на колени, не на чужой раскрой.

— Лиза просила двенадцать пар к двадцать шестому, — сказал он. — Это вы уже знаете. Я по другому делу. Три недели, до свадьбы, в доме на Яузе будет стол. Мать собирает всех, кто умеет сидеть и спрашивать. Мне нужно, чтобы справа сидел человек, которого не надо знакомить заново каждый вечер. Лиза сказала, вы всё равно будете в доме на примерках. Я прошу вас жить там эти три недели и быть моей парой за столом. Не в ЗАГСе. В ЗАГСе у них Павел. Дома — чтобы меня не сватали между супом и рыбой.

Оля перестала кроить. Ножницы лежали открытыми, и это было громче вопроса.

Вера смотрела на пуговицу у себя в пальцах. Трещина никуда не делась.

— Пара за столом — это что по-вашему, — спросила она. — Рука. Поцелуй у двери. Ночь.

— Рука, если вы сами решите, что сегодня рука нужна, — сказал он. — Поцелуй я не закладывал. Ночь тем более. Я пришёл сказать это вслух, пока вы не услышали версию моей матери. У неё версия всегда короче и красивее.

Вера положила пуговицу на блюдце. Блюдце было из-под чая, с коричневым ободком. В мастерской многое жило не по назначению и от этого служило дольше.

— Я не перевожу работу в постель, — сказала она. — И не беру крышу в обмен на то, что меня можно трогать. Если вам нужна соседка по столу, я могу ей быть. Условие одно. Вы

можете стоять рядом. Можете хотеть. Не целуете меня и не берёте мою руку, пока я сама не коснусь вас первой. Если начнёте вы, я уезжаю в тот же вечер.

В мастерской стало слышно батарею. Оля закрыла ножницы.

Илья не улыбнулся. У него дрогнул рот и вернулся на место.

— Повторите, — сказал он. — Я хочу услышать ещё раз, до денег. Чтобы потом не говорить, что услышал другое.

Вера повторила теми же словами. На «первой» она чуть задержала язык, не для красоты, а потому что слово было главное и его нельзя было проглотить вместе с «хотеть».

— Запишите, — сказал он. — У меня память хорошая на размеры и плохая на чужие границы, если их не положить на бумагу. Это не комплимент себе. Это предупреждение.

Она выдвинула ящик, достала общую тетрадь в клетку. На первой странице были размеры Лизы, снятые в июле: запястье, основание большого, длина до среднего. Вера перелистнула. На чистом листе написала карандашом, печатными, без завитушек:

«Савин не целует Шатрову и не берёт её руку, пока Шатрова сама не коснётся его первой. Молчание и слово „потом“ означают отказ. Савин имеет право переспросить один раз. Если Савин начинает сам, Шатрова уезжает в тот же вечер.»

Она повернула тетрадь к нему.

— Читайте вслух.

Он прочёл. Не как тост. Как человек, который на стройке читает отметку, чтобы второй услышал ту же цифру, а не свою. На слове «потом» он остановился.

— «Потом» тоже отказ, — сказал он. — Даже если сказано мягко.

— Особенно если мягко.

— Переспрос один. Форму я не выбираю сейчас. Скажу, когда буду не уверен. Если скажу лишний, вы имеете право уехать так же, как если я возьму руку.

— Да.

Оля встала и пошла ставить чайник. Это был её способ не стоять внутри чужого договора. Чайник она поставила громко. Вода была уже горячая с прошлого раза и закипела слишком скоро.

— Деньги, — сказала Вера. — Четыреста двадцать тысяч за три недели стола. Назначение: «три недели, стол». Платёж сегодня, до того как я привезу вещи. Одно сообщение вам и Лизе всё кончает. Деньги не возвращаются. Заказ перчаток сюда не входит. Его Лиза оплачивает отдельно, по своей бумаге. Крыша мне не плата. Если я уеду, перчатки я всё равно дошью, потому что запястья уже сняты.

Илья достал телефон. Не торопясь, чтобы она видела экран.

— Продиктуйте счёт.

Она продиктовала по цифрам, потом достала карточку из ящика и сверила. Цифры она помнила. Карточку достала всё равно. Память на деньги у неё была спокойная, а вера в чужие пальцы над клавиатурой — никакая.

Он отправил. Телефон положил экраном вверх, не пряча.

— Уйдёт не мгновенно, — сказал он. — Банк иногда думает, что сумма слишком круглая для четверга.

— Я подожду.

Оля разлила чай в две разные чашки. Илье досталась с отбитой ручкой. Вера взяла свою, целую, и не стала менять. Гость пил из отбитой и не сказал, что ручка колется. Она кололась. Вера знала.

Они сидели и слушали, как на улице кто-то ругается с машиной, которая не хотела вставать в карман у пекарни. Илья не заполнял паузу рассказом о доме. Вера не заполняла её рассказом о коже. Ей нравилось, что он умеет не затыкать тишину комплиментом её рукам. Комплименты рукам она слышала от заказчиков и перестала считать их разговором.

Телефон стукнул о стол коротко, один раз. Вера перевернула свой. Сумма сошлась. Назначение сошлось: «три недели, стол». Она открыла операцию ещё раз. Первый взгляд всегда врёт, когда очень нужно, чтобы не врал.

— Пришло, — сказала она.

— Тогда я не уговариваю, — сказал Илья. — Завтра после двенадцати. Дом на набережной, липа у калитки, калитка серая. Лиза будет. Мать может быть. Мать любит приезжать раньше мебели. Комната на втором этаже, щеколда изнутри. Ключ один. Я проверю при вас, что второго нет. Дубликат не закажем. Это не жест. Это чтобы вам не пришлось верить мне на слово про замок.

Вера кивнула. Карандаш она не убрала. Под правилом дописала: «Ключ один. Деньги не возвращаются. Перчатки отдельно.»

— Подпишите, что читали, — сказала она. — Рядом. Карандашом. Чернила я не дам, они для кожи.

Он подписал: «читал, Савин», и число. Карандаш лёг бледно. Всё равно лёг. Почерк у него был архитектурный, буквы стояли по линейке, хотя линейки на странице не было.

Оля проводила его до площадки и закрыла дверь на щеколду, хотя до вечера было далеко. Щеколда в мастерской была слабая, для вида. Вера не стала говорить, что вид тоже работа.

— Ты цену назвала как за пошив на весь зал, — сказала Оля. — Я не про то, много или мало. Я про то, что ты не скинула, когда он не торговался.

— Если бы торговался, я бы не поехала.

— Поедешь?

— Деньги пришли. Правило он прочитал. Лиза мне и без него должна примерки. Я не собираюсь три недели делать вид, что мне негде спать в собственном городе. Мне есть где. Я еду, потому что стол — отдельная работа, и я хочу видеть, удержится ли он, когда рядом будет его мать, а не мой стол с мелом.

Оля посмотрела на тетрадь.

— Оставить здесь?

— Здесь. Я сниму лист на телефон. Тетрадь пусть живёт в ящике. Если я в доме начну сомневаться, что именно написала, я не буду вспоминать. Я открою снимок.

Она сфотографировала страницу дважды. Второй снимок получился ровнее. Первый она не удалила. Первый всегда врёт.

До вечера они дошили левую перчатку Лизы до состояния, в котором её уже можно было показать руке, не болванке. Вера надела её сама, на свою левую, хотя рука была не Лизина и пуговица села чуть иначе. Запястье помнило работу. Пальцы помнили карандаш. Она расстегнула пуговицу одним движением и снова застегнула.

— Завтра я возьму две болванки и серую пару для матери, — сказала она Оле. — Ты остаёшься здесь. Если придёт ремонт к субботе, нас нет.

— Нас нет, — повторила Оля. — А ты там на «вы»?

— На «вы», пока я сама не решу иначе. И ты ему не шьёшь разговоров за моей спиной. Если спросит, как я пью чай, скажи, что чай пью горячий.

Оля фыркнула. Это было согласие.

Вера закрыла мастерскую в восемь. На площадке пахло пекарней. Она шла к метро и два раза проверила, что снимок правила открывается без сети. Открывался. Сумма в банке тоже открывалась. Она не улыбалась этому, как улыбаются удаче. Она кивнула экрану, как кивают поставщику, который привёз кожу в срок и не перепутал цвет.

Дома, в своей комнате над мастерской, она собрала сумку меньше, чем хотелось. Платье для ужинов одно, тёмное, с рукавом до кости, чтобы запястье было прикрыто, пока она сама не решит его открыть. Брюки для работы. Фартук. Карандаш. Никакого второго ключа от чужого

дома она в сумку не клала, потому что его ещё не существовало, и она хотела, чтобы так и осталось.

Перед сном она написала Лизе: «Завтра буду. Перчатки везу. За стол договорюсь с Ильёй отдельно, вам продублирую правило одним сообщением, чтобы оно не жило только в моей тетради.»

Лиза ответила через минуту: «Продублируй. Я хочу знать, что именно, чтобы мама не дорисовала.»

Вера переписала правило без цены. Цену Лизе знать было не нужно. Лиза ответила: «Ясно. Я не сваха. Павел тоже. Мама попробует. Держитесь.»

Вера погасила свет. Рука, на которой она мерила чужую перчатку, ещё помнила пуговицу. Она положила эту руку поверх одеяла, не под него, и долго смотрела в темноту, где не было никакого Савина. Злилась, что уже примеряет к темноте его голос, когда он читал «потом». Голос был спокойный. Спокойных она обычно не хотела. Этого запомнила.

Утром она ещё раз открыла банк. Сумма лежала на месте. Назначение не изменилось. Она написала Илье: «Выезжаю в двенадцать. Правило в силе. Если у калитки будет второй ключ от моей комнаты, я разворачиваюсь, деньги не возвращаю.»

Он ответил тремя словами: «Второго не будет.»

Вера поверила не словам. Она поверила тому, что он не прибавил к ним ни улыбки, ни «доброе утро».

Глава 2. Щеколда

Такси пахло ёлкой, хотя до ёлки было далеко. Вера держала на коленях коробку с болванками и не отдала её водителю в багажник. В багажник уехала только сумка. Коробка стучала деревом о дерево на каждой яме у набережной. Водитель матерился шепотом, по-рабочему, без адресата. Вера не отвечала. Она смотрела на воду. Яуза в сентябре была тёмная и узкая, и дом, к которому они подъехали, стоял к ней боком, как человек, который не хочет сидеть лицом к гостям сразу.

Калитка была серая. Липа у калитки уже сдавала лист по одному, не ковром. Илья стоял у калитки без пальто, в рубашке с закатанным рукавом. Рукав он опустил, когда увидел машину. Вера отметила это и разозлилась, что отмечает чужой рукав, как отмечает кривую строчку.

— Коробку не беру, — сказал он вместо приветствия. — Сумку возьму, если отдадите.

— Сумку отдаю.

Он взял сумку за ручку, не за её пальцы. Пальцы она убрала заранее. Получилось почти смешно, и никто не засмеялся. Водитель уехал. Лист липы сел Вере на плечо. Она сдула его не сразу.

Лиза открыла дверь раньше, чем они дошли до крыльца. На запястье у неё была мука, на щеке тоже. Платье для примерок висело на ней домашнее, синее, с карманами.

— Шатрова, наконец руками, не по переписке, — сказала Лиза. — Проходите. Я не буду вас целовать, у меня мука. Илья просил не говорить «девушка»: вам тридцать один, ему тридцать семь, оба взрослые, маме этого хватит. Илья предупредил, что с поцелуями у нас теперь строгий склад.

— Со мной можно мукой, — сказала Вера. — С ним нельзя иначе, чем я скажу. Вы это уже читали.

— Читала. Маме переслала без цены. Цену я и не видела. Так даже лучше. Мама от цен становится деловой, а мне сегодня не надо, чтобы она была деловая. Мне надо, чтобы она резала пирог и не устраивала смотр.

Дом внутри пах деревом и ещё немного штукатуркой. Не новой, уже обжитой, но штукатурка помнит себя дольше, чем жильцы думают. Лестница была светлая. Перила Вера проверила ладонью по привычке: гладкие, без заусенца. Илья шёл сзади с сумкой и не комментировал проверку.

Комната на втором этаже выходила к липе, не к воде. Кровать, стол, стул, шкаф с одной скрипящей дверцей. На двери щеколда, простая, металлическая, привинченная недавно: шурупы ещё не потемнели.

— Ключ, — сказал Илья и положил его на стол, не в ладонь. — Один. Я утром открыл замок и закрыл. В ящике внизу, где строительный запас, второго нет. Можете посмотреть ящик. Можете не смотреть. Щеколда работает без ключа, изнутри.

Вера взяла ключ со стола. Зубья обычные. Она вышла в коридор, закрыла дверь, повернула ключ, открыла, вошла, закрылась на щеколду и через три секунды открыла снова.

Илья стоял там же, где она его оставила. Не придвинулся к двери, пока её не было видно.

— Если ночью щеколда покажется вам слабой, скажете, — проговорил он. — Поставлю вторую, тоже изнутри. Не снаружи.

— Пока хватает.

Лиза крикнула снизу, что чай и что мать уже во дворе, хотя её не ждали до ужина. Вера успела повесить тёмное платье на плечики и поставить коробку под стол. Фартук она не повесила. Фартук надела. В чужом доме фартук сразу объяснял, зачем она здесь, лучше всякой фразы про стол.

Нина Савина вошла с коробкой пирога и с лицом человека, который уже всё понял и хочет, чтобы остальные догнали её понимание. Ей было шестьдесят, волосы собраны так туго, что кожа у висков слушалась. Она поставила пирог, посмотрела на фартук Веры и на Илью отдельно.

— Так, — сказала она. — Перчатки. И за стол. Лиза мне написала правило. Я его прочла два раза, потому что первый раз думала, что Лиза шутит. Лиза не шутит таким тоном. Илья, ты подписал?

— Карандашом. В её тетради.

— Карандашом. Ну и нравы. Ладно. Шатрова, я вас не целую. Руку вам не жму, вдруг у вас сегодня профессиональный выходной по рукам. Щеку подставлять не буду. Пирог будете?

— Буду, — сказала Вера. — Руку вам пожать можно. Правило не про всех Савиных. Правило про одного.

Нина пожала ей руку коротко, сухой ладонью, и отпустила. Илья в этот момент смотрел в окно на липу, будто липа требовала архитектурного заключения. Вера была ему благодарна за окно и одновременно зла, что благодарность уже занимает место.

Лизу она меряла на кухне, потому что свет там был честнее, чем в комнате с липой. Запястье, основание большого, длина среднего, обхват ладони в самом широком месте. Лиза болтала про Павла, про тётю Галину, которая приедет не сразу, про то, что платье в третий раз ушили в лопатках и теперь перчатка должна быть не длиннее, чем выемка рукава.

— Если перчатка вылезет из-под рукава гребнем, я буду выглядеть как человек, который прячет руки, — говорила Лиза. — Я не прячу. Я просто хочу, чтобы в бокале было не холодно пальцам. Павел смеётся. Ему можно. У него пальцы всегда горячие, он ими схемы трогает.

— Схемы не кожа, — сказала Вера. — Кожа простит меньше, чем бумага. Не сжимайте кулак. Ещё раз свободно.

Илья в кухню зашёл один раз, поставил Лизе воду и вышел. На Верину руку с сантиметром он не посмотрел дольше секунды. Секунду она ему позволила бы и дольше. Он не взял.

К четырём приехал Павел, мокрый от мороси, с пакетом хлеба. Инженер, как Лиза и обещала: спокойный, с карандашом за ухом, хотя карандаш в доме архитектора смотрелся самозванцем. Он кивнул Вере, спросил, не мешает ли хлеб перчаткам, и получил ответ, что хлеб мешает только если его кладут на кожу. Хлеб он унёс на другую полку. Вера подумала, что в этом доме уже двое умеют не класть лишнее на чужую работу. Третья была Лиза. Нина клала пирог куда хотела, и это тоже было понятно.

Вечер они собрали без большого стола. Большой стол Нина велела не трогать до завтра, «чтобы скатерть не устала». Вера ела пирог стоя, записывала размеры, слушала, как Павел и Илья спорят про ступеньку у террасы: Павел хотел на миллиметр выше, Илья говорил, что миллиметр уже залит. Спор был тёплый. Никто не победил. Вера не вступила. Чужие миллиметры она уважала, пока они не лезли в перчатку.

Перед тем как уйти к себе, она написала на листе распорядок кухни и повесила магнитом.

— Утро до девяти кухня ваша, если вам надо раньше меня, — сказала она Илье в коридоре. — С девяти до одиннадцати моя, если буду мерить. После одиннадцати общая. Ванная на втором этаже: я с семи до полвосьмого. Потом вы. Если вам надо иначе, напишите на том же листе. Не приходите говорить это в дверь.

— Напишу, если надо, — сказал он. — Сегодня не надо.

Она поднялась. Закрывает дверь. Ключ оставила в замке с внутренней стороны, щеколду задвинула. Подошла к окну. Липа чернела. Внизу Нина смеялась над чем-то Лизиним, и смех был обычный, не смотровой. Вера открыла банк. Сумма лежала. Она открыла снимок правила. Карандаш Ильи читался: «читал, Савин».

Сумку она разобрала до конца. Платье. Брюки. Фартук на стул. Карандаш в стакан. Телефон на тумбу экраном вниз. Второго ключа в комнате не оказалось ни в шкафу, ни в ящике

стола, ни под кроватью. Она проверила не потому, что ждала подвоха от шурупов. Она проверила, потому что руки успокаиваются только после ящика.

Ночью дом скрипел по-новому. Чужой скрип всегда кажется шагом. Вера два раза садилась и слушала. Шага не было. Один раз в трубе ударила вода: кто-то на первом этаже умылся и лёг. Она не стала гадать, кто. Гадать про его руки в темноте было бы уже началом, а начало она оставила себе.

Она легла на спину, положила ладонь на грудь поверх футболки и почувствовала собственный пульс. Пульс был быстрый для человека, который просто приехал шить. Вера назвала это усталостью. Усталость не спорила. Она вообще редко спорила с Верой вслух. Она просто не уходила.

Глава 3. Скатерть

Скатерть Нина достала утром и велела ей «отвиснуть». Скатерть висела на спинках двух стульев, белая, с жёсткой складкой посередине, и к вечеру складка сдалась не до конца. Вера видела эту складку с лестницы и думала, что у перчатки такая же упрямая память: согнёшь не там, будешь носить след.

День прошёл в работе. Лиза примеряла синий домашний рукав поверх будущей длины перчатки. Павел уезжал на объект и вернулся с яблоками. Илья пропадал на террасе со ступенькой, которая уже была залита и всё равно не давала ему покоя. Вера спускалась за водой и видела его спину. Рубашка на лопатках натянулась, когда он присел. Она отвернулась раньше, чем он мог почувствовать взгляд. Ей не нужен был человек, пойманный её глазами. Ей нужен был человек, который сам помнит про карандаш.

К семи стол собрали. Нина посадила Веру справа от Ильи. Слева от Веры оказался дядя Серёжа, брат Нины, тихий, с большими руками, которые он сразу убрал с края, чтобы не задеть приборы. Напротив сели Лиза и Павел. Кати ещё не было. Нина сказала: «Катя завтра. Сегодня свои.» Свои прозвучало так, будто Вера уже в списке, и Вера не стала этот список оспаривать за супом.

Суп был куриный, честный. Хлеб Павел нарезал сам. Разговор шёл про двадцать шестое, про тётю Галину, про то, что Галина везёт сервиз и сервиз надо встретить руками, не багажником.

— Багажником тоже можно, — сказал Павел. — Сервиз переживает багажник лучше, чем люди переживают сервиз.

— Не умничай в моём супе, — сказала Нина мирно.

Дядя Серёжа повернулся к Вере.

— Вы, значит, и перчатки, и... — он искал слово и не нашёл мягкого, — пара. Илья не приводил пару с тех пор, как Алла. Я не к тому, чтобы вы мне рассказывали. Я к тому, чтобы не ляпнуть лишнее, если Алла для вас новость.

За столом на секунду стало тесно. Лиза открыла рот. Илья положил ладонь на скатерть между своей тарелкой и Вериной. Ладонь легла пальцами к хлебу, не к ней. Тыльная сторона была близко к её запястью. Близко — это ещё не касание. Вера чувствовала тепло зазора так ясно, будто зазор был третьим прибором.

— Алла не новость, — сказал Илья. — Мы разошлись два года назад. Сами. Без сервиза и без публики. Вера здесь, потому что я её попросил и она согласилась на своих условиях. Условия Лизе известны. Если нужно, я повторю их дяде после ужина, не через Веру.

— Не нужно повторять, — сказал дядя Серёжа. — Мне достаточно, что я ляпнул и вы не сделали из этого спектакль. Ешьте суп. Суп хороший.

Вера ела. Ложка не дрожала. Злилась она отдельно, внутрь: не на Аллу, которую не знала, и не на дядю, который хотя бы спросил. На то, что тепло чужой ладони на скатерти уже мешало ей слышать суп. Она сдвинула своё запястье на два пальца дальше. Илья не поехал ладонью следом. Он оставил руку там, где положил, и через минуту убрал её к себе на колено, под стол, где Вере не было до неё дела.

Нина смотрела на это убирание и промолчала. Вера поставила Нине единицу в уме. Единица была высокая.

После рыбы Лиза сказала, что завтра приедет примерка платья и перчатку надо будет смотреть уже с выемкой рукава, не с синим домашним. Павел обещал привезти нормальный свет, если домашний опять соврёт. Илья обещал ничего не обещать про свет, потому что лампа на террасе и так спорила с электриком.

— Вы завтра весь день в доме? — спросила Нина Веру.

— До вечера. Потом могу уехать на Казённый, если Оле понадобится рука на раскрое. Ночевать вернусь. Пока правило в силе и пока я сама не написала сообщение.

— Сообщение, — повторила Нина. — Лиза мне сказала: одно сообщение, и спектакль кончен. Я не люблю слово «спектакль» про собственный стол. Но правило поняла. Илья, ты руки не тянешь?

— Не тяну.

— И не геройствуй из-за этого, — сказала Нина. — Геройство за супом несъедобно.

Илья кивнул. Один раз. Вера узнала этот кивок по рассказу, которого не было: так кивают люди, которые уже подписали и не хотят подписывать взглядом ещё раз. Ей стало жарко от кивка. Жар был неуместный, рыбный, домашний. Она запила его водой.

Когда вставали, дядя Серёжа подал Нине пальто. Павлу Лиза сама застегнула верхнюю пуговицу куртки и поцеловала в щёку. Поцелуй был их. Вера смотрела и не сравнивала. Сравнение всё равно пришло. Она его выключила, как выключают лишнюю лампу на примерке: не потому что темно плохо, а потому что лишний свет врёт цвет.

На лестнице Илья остановился на площадке. Вера остановилась на ступеньку выше. Так она была чуть выше его глаз. Ей это не было нужно для власти. Ей было нужно видеть, не тянется ли он закрыть разговор рукой.

— Дядя сказал про Аллу раньше меня, — проговорил он. — Я собирался сказать вам завтра, без супа. Мы жили вместе три года. Разошлись, потому что ей нужна была жизнь, где вечер занят людьми, а мне нужна была жизнь, где вечер занят работой. Никто никого не выставлял. Детей нет. Общих долгов нет. Если вам этого мало, спросите еще. Я отвечу. Если достаточно, я больше не приношу её к столу.

— Достаточно, — сказала Вера. — Не приносите. И руку сегодня вы убрали сами. Я видела. Мне не нужен был жест в мою сторону. Мне нужно было, чтобы она ушла.

— Она ушла.

— Спокойной ночи, Савин.

— Спокойной ночи, Шатрова.

Он не стал ждать, пока она дойдёт до двери, чтобы проводить взглядом до щеколды. Спустился вниз, к террасе, к своей залитой ступеньке. Вера слышала, как открылась дверь на воздух. Холодный воздух дошёл и до площадки. Она постояла в нём, пока жар от скатерти не стал обычной температурой дома.

В комнате она записала в телефон, не в тетрадь, потому что тетрадь осталась на Казённом: «Ладонь на скатерти. Сам убрал. Алла — два года, без долгов. Не спрашивать за супом.»

Потом стёрла последнюю строчку. Себе приказы она и так помнила. Чужие долги, которых нет, помнила тоже.

Спать легла поздно. За стеной, в дальнем конце коридора, его комната не издавала звука. Вера всё равно лежала так, будто звук мог начаться, и ей надо было заранее решить, что она не выйдет. Решение держалось. Желание лежало рядом с решением и не спорило вслух. Оно просто грело запястье, то самое, которое она отодвинула от его руки на два пальца.

Два пальца. Она усмехнулась в темноту. Усмешка вышла злая и точная. Такой Вере можно было доверять больше, чем нежности.

Глава 4. Болванка

Платье привезли в чехле, и чехол пах чужим ателье: утюгом и сладкой химией. Лиза раскрыла его на диване, как раскрывают новость. Рукав оказался короче, чем обещали в июле. Выемка съела то место, где Вера собиралась оставить край перчатки.

— Я же говорила, что они ушьют лопатки и всё уедет, — сказала Лиза. Она не плакала. Она злилась деловито, и Вера такую злость уважала.

— Снимем заново. Рукав наденьте. Болванку я поставлю рядом, не вместо вас.

Илья принёс лампу с террасы, потому что дневной свет сел в тучу. Лампу он поставил на стул, направил в рукав и отошёл к стене. Павел держал чехол, чтобы не уполз. Нина сидела с пирогом уже вчерашним и молчала, что было её высшей формой участия.

Вера надела на Лизу недошитую перчатку. Пуговица у запястья не попадала в выемку. Вера отпоролла наметку на три стежка, не больше. Кожа не любит частых дыр.

— Савин, — сказала она, не оборачиваясь. — Подержите болванку. Не Лизу. Дерево. На уровне её локтя. И не поднимайте выше, когда я скажу «так».

Он подошёл. Болванка была кленовая, отполированная чужими заказами до скользкого. Илья взял её за стойку, не за пальцы. Вера поправляла край у Лизино запястья и свободной рукой искала на дереве ту же высоту, чтобы сравнить линию. Её пальцы легли на кленовое запястье. Его пальцы были с другой стороны, на стойке. Потом она сдвинула ладонь ниже, к месту, где дерево сужалось, и встретила его мизинец.

Мизинец был тёплый. Дерево было холодное. Разница ударила так, будто она ошиблась материалом.

Илья убрал руку первым. Болванку не уронил: перехватил стойку ниже, там, где её пальцев уже не было.

— Так, — сказала Вера. Голос сел. Она не откашлялась. — Держите здесь.

— Здесь, — повторил он.

Лиза дышала ровно и смотрела в рукав, не в их руки. Павел смотрел в телефон, потому что ему написали со стройки, и это спасло всех от зрителя. Нина смотрела. Нина всё видела и на этот раз ограничилась тем, что подвинула лампу на полпальца. Полпальца были в сторону света, не в сторону сына.

Примерка длилась ещё час. Вера говорила только про кожу, выемку и пуговицу. Илья держал болванку на новой высоте и не возвращал мизинец на прежнее место. Когда Вере нужно было, чтобы дерево повернулось, она говорила «влево» и «ещё». Он поворачивал. Их кожа больше не встречалась.

К концу у Лизы на запястье остался розовый след от тугой примерки. Вера потёрла этот след своим пальцем, профессионально, чтобы понять, не давит ли шов. Лиза засмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.